

О. В. Донцова,

Днепропетровский национальный университет им. О. Т. Гончара, г. Днепропетровск

КАТЕГОРИЯ ЖЕНСТВЕННОСТИ В РУКАХ ВОЛШЕБНИКА (ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. НАБОКОВА)

Автор статьи очерчивает проблему определения положения и роли женского образа в прозе В. Набокова на фоне мужских образов романов «Лолита», «Камера обскура», «Защита Лужина». В статье поднимаются вопросы генезиса женского образа произведений Набокова, а также параллели и характерные черты женских образов вышеупомянутых произведений.

Ключевые слова: категория, сюжет, эротизм, параллель

Автор статті окреслює проблему місця та ролі жіночого образу у прозі В. Набокова на тлі чоловічих образів романів «Лоліта», «Камера обскура», «Захист Лужина». У статті підіймаються питання генезису жіночого образу творів Набокова, а також паралелі та характерні риси жіночих образів вищезгаданих творів.

Ключові слова: категорія, сюжет, еротизм, паралель

The researcher in the article given is outlining the problem of the positioning and the role of a feminine image in V. Nabokov's prose against the men characters' category in «Lolita», «Camera Obscura» and «The Defense» novels. The issues of Nabokov's feminine images genesis as well as parallels and peculiarities of feminine images in the abovementioned works are also being researched.

Keywords: category, plot, eroticism, parallel.

В. Набокова сложно причислить к писателям, ставившим во главу угла своей поэтики воспевание женщины как центра мироздания. Его произведения полны красоты, красоты слова и цвета, формы и оттенка, – но не красоты женщины в общепринятом понимании. Тем не менее, именно женские образы играют зачастую решающую роль в повороте той или иной сюжетной линии у писателя. По словам А. Кана, перед читателем «предстает следующая картина набокковского мироздания: вокруг плотного центра мира в лице женщины блуждают этакое космические «Я» мужских персонажей» [1]. Женщина по сути является в прозе Набокова либо отправной точкой, «запускающей» основную сюжетную линию (как в Лолита, Аннабель или Магда), либо же движущей силой внутреннего мира того или иного персонажа (как жена Лужина или Машенька).

Среди ряда женских образов Набокова, думается, было бы логичным выделить цепочку «безымянная героиня повести «Волшебник»-Лолита-Магда». Связь первых двух образов очевидна – генезис «Лолиты» как романа-потомка « повести «Волшебник» неоспорим, – однако и Магда, носящая маску роковой женщины, погубившей главного героя романа, несомненно обладает определенным сходством с героиней «Лолиты».

Нужно отметить тот факт, что ни Лолита, ни героиня «Волшебника», ни Магда, ни жена Лужина не занимают доминирующей позиции в ткани повествования, – на первый план выдвигаются чувства и переживания рассказчика (как в «Волшебнике» и «Лолите»), или же повествование идет от третьего лица с акцентом на героя-мужчину, перипетии его жизни, его эмоции и чувства. Женщина играет роль спускового крючка, «запускающего» сюжет (Лолита, Магда) либо осуществляющего крутой поворот сюжетного хода (жена Лужина, госпожа Гейз, мать девочки-подростка из «Волшебника»).

Набоковских героинь роднит многое – от общих портретных характеристик до поведенческих моделей. Так, образ будущей Лолиты в «Волшебнике» просто намечен, – это всего лишь набросок, робкий, в несколько касаний, – но точный в своей разительной четкости определения образа нимфетки. «Девочка в лиловом, двенадцати лет» позже превратится в двенадцатилетнюю Лолиту, а лиловый станет излюбленным цветом Гумберта, преследующего Лолиту; «оживленность рыжевато-русых кудрей» станет русыми с рыжинкой волосами Лолиты, «светлость больших, пустоватых глаз, напоминающих чем-то полупрозрачный крыжовник» перерастет в равнодушие и бездумность Лолитинога взгляда; «припухлость нижней губы» станет чертой, особенно манящей Гумберта в своей маленькой возлюбленной, чьи голые руки в легком пушке напоминают читателю «летнюю окраску оголенных рук с гладкими лисьими волосками вдоль по предплечью» героини «Волшебника» [3, с. 12].

Образ же Магды выписан словно внешней параллелью образу Лолиты, чей характер буден выведен писателем спустя более 30 лет после написания «Камеры обскура». Магда так же бессознательно, как и Лолита, защищается от любовника («оборонительный подъем локтя был... обычным ее жестом» [5, с. 18]), обе девочки пытаются реализоваться в том, что оказывается псевдоискусством, – Лолита, увлеченная актерством, пением, танцами, репетирует пьесу драматургии Куильти, Магда поглощена мечтой стать «фильмовой дивой» и играет в фильме, лишенная всяческой художественной ценности [5, с. 20]. Схожи и характер и эротизм образов обеих девушек: вульгарность и истеричность, пристрастие к коротким платьицам и голорукость, «бледные кончики грудей» Магды [5, с. 23] и бледные сосцы Лолиты [6; с. 149]. Много общего и в обаянии нимфеточной свежести: пушистость скул, белозубость, блестящие губы, – у Лолиты словно леденец, у Магды – от ликера, ужимки и речь скороговоркой, «жаркий цвет щек» [5, с. 40] и детское выражение лица. «Шелковистость членов» Лолиты превращается в шелковистость кожи Магды, а «отроческое сложение» обеих является ключом их привлекательности для Гумберта и Кречмара [5, с. 48].

Магда отличается тем же, что и у Лолиты, удивительным сочетанием женственности, самой ей не ведомой, и открытой детскости, – так, на пляже она демонстрирует нелепую комбинацию облупившегося носа и «только что» [5, с. 95] накрашенного рта. Ногти Магды отливают «земляничным лаком» [5, с. 77], Лолита выбирает

вишневым. «Нимфеточность» образа девушек подчеркивается сценами плача, – так, при описании образа Магды рассказчик подчеркивает, что «Слезы на редкость красили ее. Лицо пылало, мокрые глаза лучились, на щеке дрожала чудесная грушевидная слеза» [5, с. 102]. У Лолиты же «при особенно нежном цвете лица, черты у неё после бурных слёз расплывались, припухали – и становились болезненно соблазнительными» [6, с. 89].

Из ряда «Лолита-Магда-героиня «Волшебника» совершенно выбивается образ невесты, а позже жены Лужина («Защита Лужина»), которая поневоле остается в тени своего гениального мужа, и которую, однако, Набоков создает совершенно нетипичным персонажем, выделяющимся среди других женских образов своих произведений. Он наделяет ее широкой душой, открытой каждому, нуждающемуся в ней, а ее любви и защите. Шаховская говорит о ней следующее: «Она, Лужина, была живой человек в мире неживых, у нее была горячность духа, и при всей затушеванности ее роли – в ее действиях обнаруживается непоколебимость и решительность» [8, с. 116].

И впрямь, эта хрупкая женщина живет ради счастья других, стремясь прервать мучения и страдания окружающих действиями, не просто созерцанием. Ее действия лишены идейности, образ беден чертами женственности или романтизма; жертвенность – вот, пожалуй, эпитет, предельно близкий ее натуре.

С.Сакун говорит следующее об искренней любви жены шахматиста: «Ее любовь не эгоистична, не эротична и не слепа. Она не отделима от жалости, зряча и трагически реалистична. Ее любовь жертвенна» [7, с. 47]. Любовь выводится на страницах «Защиты Лужина» совершенно не по-набоковски: персонажи романа не обуяны нездоровыми желаниями, не совершают подлых поступков по отношению к любимым. Жена Лужина сочувствует его состоянию, помнит о его недуге и принимает – не понимая при этом сути гения своего мужа – шахматы как часть его, супруга, жизни. По словам С.Сакуна, она «даже ощущала свою сопричастность его внутреннему шахматному миру» [7, с. 48], и именно она стала той, благодаря кому Лужин выглядит не просто угрюмым и нелюдимым человеком, – в свете ее любви он приобретает некоторую мягкость, трогательность, ее жалость и участие пробуждают в читателе сочувствие и позволяют почувствовать «то притягательное и нежно-несчастное обаяние, которое непонятым образом чувствуется в этом хмуром, отчужденном от всех, нескладном и неудобном человеке» [7, с. 48].

По свидетельству З.Шаховской, среди набоковедов уже отмечалось «все увеличивающееся женоненавистничество Набокова» [8, с. 110], основываясь уже на том самом факте, что помимо ставшего нарицательным имени Лолиты или известного романтизмом образа Машеньки редкий читатель припомнит иные женские характеры из прозы В.Набокова. Как справедливо замечает Шаховская, «Главные персонажи у Набокова всегда мужчины. В лучшем случае женщины нейтральны, они не имеют собственной ярко обозначенной личности и существуют по отношению к рассказчику, живут в его отображении» [8, с. 114]. Не соглашаясь полностью с мнением Шаховской, – сложно говорить об отсутствии индивидуума касательно образов и Лолиты, и Магды, и жены Лужина, – однако невозможно не разделить постулат о существовании женского персонажа в тесной связке с мужским, – их миры тесно переплетены во взаимозависимости и притяжении, в контрасте и взаимоотторжении. Сквозь призму образа женского и раскрывается образ мужской, развиваясь и усложняясь лишь параллельно становлению характера женского на страницах прозы В.Набокова.

Литература:

1. Кан А. Интернет-ресурс : http://zhurnal.lib.ru/k/kan_a_o
2. Комогорцева Н. Н. Способы авторской оценки персонажей в творчестве Владимира Набокова (на примере некоторых женских образов). Интернет-ресурс. <http://www.rae.ru/forum2012/18/2231>
3. Набоков В. Волшебник / «Звезда». – 1991. – № 3. – С. 9-28.
4. Набоков В. Защита Лужина / В. Набоков. – М. : Фолио, 2001.
5. Набоков В. Камера обскура / В. Набоков. – М. : Фолио, 2001.
6. Набоков В. Лолита / В. Набоков. – М. : Фолио, 2000.
7. Сакун С. В. Шахматный секрет романа В. Набокова «Защита Лужина» (новое прочтение романа) // Филологический вестник. Рост. Гос. Ун-т. – № 1. – (5)1999. – С. 46-61.
8. Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения / З. Шаховская. – М., Ozon.ru, 1991.